

щегося к своим спутникам, но и всем построением сцены: Дионисий сдвинул всадников чуть-чуть влево, склонил горки в сторону, противоположную движению, и построил композицию по диагонали. Впечатление движения создается и связью композиции с архитектурой самого храма: изогнутая линия свода, идущего после этой сцены, словно продолжает свободный бег. Эта фреска написана особенно легко и вдохновенно. Три поколения людей — старец, средовек и юноша — в радостном, трепетном ожидании путешествуют в поисках истины.

Творчеству Дионисия присуща самоуглубленность. Не изображая психологии действующих лиц, он передает их душевное состояние, их чувства. В сцене возвращения волхвов на слова кондака 6 (песня 10) «Проповедници богоноснии...» волхвы медленно, спокойно едут на стройных конях. Они полны сошедшей на них благодати, они обрели истину, познали красоту и умиротворение.³⁴

Внутреннее состояние людей Дионисий передает не экспрессивными жестами или стремительными движениями, а цветом и четкой, отточенной линией.

Например, в сцене поклонения волхвов (икос 5, песня 9) против белой розовой стены, словно освещенной лучами только что поднявшегося солнца, на престоле цвета интенсивно-желтой охры сидит Богоматерь с младенцем, а перед ней, отграниченные от нее фоном еще не озаренных светом желтых, нарядных горок, стоят волхвы, благоговейно склонив головы и простирая ей свои дары. Вся роспись построена на соотношении разной интенсивности охристых и розовых тонов, которые передают настроение действующих лиц. У волхвов — праздник, у Богоматери — свет и радость.

В сцене Целование Марии и Елизаветы на слова икоса 3 (песня 5) Дионисий передал общее чувство двух женщин — Марии, будущей матери Христа, и Елизаветы, ожидающей его предтечу Иоанна, написав их одинаково юными, прекрасными и стройными и объединив их одной линией.³⁵

В своих композициях Дионисий отразил радость, высокую идеальную любовь, взаимное уважение, сознание правоты и человеческого достоинства. Художник изобразил именно эти чувства, даже если текст Акафиста давал ему возможность представить и другие ощущения. Например, в словах кондака 4 (песня 6) «бурю внутрь имея помышлений сумнительных, целомудренный Иосиф смятятся...» заключены тревога, волнение. Иосиф исполнился сомнений в целомудрии Марии, в его душе поднялась «буря», и, только поняв чудо зачатия, он склонился перед нею, «рече: аллилуйя».³⁶

³⁴ Многие композиции на эту тему точнее придерживаются текста песни: «проповедавши тя, Христа, всем», что вовсе опущено в Ферапонтове. В Дечанах, например, три всадника едут через мост, ведущий к воротам Вавилона, откуда к ним выходит народ. В храме Пантанасы в Мистре волхвы собрали целую толпу и, живо жестикулируя, рассказывают ей о происшедшем. В Болгарском акафисте волхвы стоят перед Иродом. Но все эти художники не передают душевного состояния самих волхвов.

³⁵ См. разбор этой композиции в кн.: Б. В. Михайловский и Б. И. Пуринцев. Очерки..., стр. 46 и 171, прим. 24. Дионисий следует русским традициям. Ср. встречу Марии и Елизаветы в Киевской псалтыри 1397 г. (М. В. Алпатов. Всеобщая история искусств, т. III, рис. 100) и ту же сцену в Греческом акафисте № 429.

³⁶ Текст кондака 4 основан на Первоевангелии Иакова, гл. XIV (см.: И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям соловцевкой библиотеки. СПб., 1890, стр. 142—143).